

ных правил» М. М. Философова. В этом их главное отличие от панинских проектов, направленных прежде всего против самовластья и произвола царя. Хотя теория «истинной монархии» по своему объективному содержанию носила прогрессивный, антифеодальный характер, но в построениях М. М. Философова она должна была служить сохранению и укреплению феодализма. Основная идея М. М. Философова состояла в том, чтобы очистить крепостничество от разлагающих его элементов, предохранить феодальные отношения от всякой возможности их буржуазного преобразования и с помощью «непременных правил» увековечить всю феодально-крепостническую систему самодержавной России. И именно эта попытка М. М. Философова перенести акцент на разрешение самого острого в начале XIX в. — крестьянского — вопроса ставит его «непременные правила» на особое место среди всех проектов фундаментальных законов второй половины XVIII в., призванных приспособить французскую антифеодальную теорию Монтескье к нуждам российского феодально-крепостнического государства. С этой точки зрения программа М. М. Философова представляет не меньший интерес для историков внутренней политики начала XIX в., нежели для исследователей общественно-политической мысли того времени.

Л. А. БУЛГАКОВА

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ УНИВЕРСИТЕТОВ ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Источниковедческая литература о мемуарах огромна, и каждый год приносит все новые исследования. В последнее двадцатилетие интерес к мемуарам заметно возрос, что вызвано усилившимся вниманием к социально-психологическим проблемам, к исторической личности. Начавшееся в 1976 г. издание фундаментального библиографического указателя «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» под редакцией проф. П. А. Зайончковского несомненно способствует привлечению к мемуарам еще большего внимания.

Благодаря мемуарам мы получаем уникальную возможность увидеть прошлое изнутри — глазами живших тогда людей, окунуться в мир их откипевших уже страстей, подышать воздухом другой эпохи, хоть на мгновение почувствовать себя очевидцами давно минувших событий, современниками давно ушедших людей. Какой исторический роман может соперничать с этими драгоценными свидетельствами, свободными от осовременивания и не приукрашенными буйной писательской фантазией! Самый скромный подлинник лучше самого красивого музейного муляжа. Нам интересна даже неизбежная, ставшая притчей во языцех субъективность мемуаристов.

Начиная свое повествование, мемуаристы щедро расточают клятвы в полнейшей искренности и непредвзятости, но более дальновидные понимают всю трудность исполнения таких обещаний. Скептически мыслящий Н. И. Пирогов, признаваясь в недоверии к автобиографическим запискам и сравнивая их с рассказами больного, писал, что врач руководствуется не этими рассказами, а объективными признаками болезни.¹ Однако, если позволительна такая параллель, любой врач не упустит возможности опереться на анамнез (что, кстати, в переводе с греческого означает «воспоминание»), как историк на мемуары. Теперь в субъективности видят уже не столько недостаток, сколько достоинство.² Мемуарист волей-неволей запутывает нас оценками, в которых он заинтересован, и пристрастными суждениями, стремится убедить в своей версии, превратить в союзников. А потомкам, владеющим разнообразными источниками исторической информации и вооруженным современной научной теорией, важны не только голые факты, но их трактовка, интерпретация событий современниками. Для нас существенно даже то, кто и о чем пишет, что пытается утаить и в каком виде представить. Это способствует лучшему пониманию социально-психологических, идейных, политических и других аспектов исторического развития.

Цель данной статьи — кратко охарактеризовать комплекс мемуаров по истории дореформенных университетов. Для анализа здесь используются только опубликованные мемуары, удельный вес которых по дореформенной эпохе значительно превышает удельный вес неопубликованных мемуаров.

В дореформенной России существовало семь университетов. Старейшим и славнейшим русским университетом был основанный в 1755 г. Московский университет. В первые годы XIX в. — «дней Александровых прекрасное начало» — были учреждены Казанский и Харьковский университеты, восстановлен созданный еще в 1632 г. Дерптский университет и преобразован Виленский университет (возник в 1579 г.), закрытый в 1832 г. в связи с участием его студентов в польском восстании 1830—1831 гг. и возрожденный только в следующем столетии — в 1919 г. Петербургский университет был создан в 1819 г. на базе существовавшего с 1816 г. Главного педагогического института. Учрежденный в 1833 г. Киевский университет должен был заменить собой на новой основе Виленский университет в Западном крае. Следует учитывать, что, как правило, время основания не совпадало с началом фактической работы университета, ей предшествовал период подготовки, комплектования, работы в сокращенном объеме. Задержала развитие наших университетов Отечественная война 1812 г.

Мемуаров об университетах довольно много. В разделе «Выс-

¹ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950, с. 215.

² Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика. М., 1980, с. 32.

шее образование» вышеупомянутого указателя учтены дневники и воспоминания об университетах 91 человека.³ При более целенаправленном рассмотрении мемуаров,⁴ которые непосредственно касаются университетов, оказалось более 200. Не берем на себя смелость назвать какие бы то ни было окончательные цифры, поскольку трудно учесть все впечатления, суждения, замечания относительно университетов. Любая названная цифра будет спорной, так как привлечение тех или иных мемуаров часто зависит от целей исследователя. Будем надеяться, что все сколько-нибудь важные мемуары попали в поле нашего зрения.

Количество мемуаров по отдельным университетам зависит от времени функционирования и местоположения университета, его научной и общественной активности, от численности обучавшихся в нем студентов и даже от степени развития местной (по отношению к университету) печати. Толчком к написанию мемуаров нередко служило стремление поделиться своими впечатлениями о выдающихся преподавателях или студентах, приобретших известность впоследствии. Поэтому наличие в том или ином университете таких замечательных личностей, воспоминания о которых ложились в основу рассказа, также влияло на численность мемуаров. Около половины их посвящено нашему патриарху — Московскому университету, первому русскому университету не только по времени возникновения, но и по своему научному и духовному влиянию. К тому же число студентов в нем было наибольшим. Более трети мемуаров посвящено Петербургскому и Казанскому университетам с небольшим перевесом в пользу первого. Хотя Петербургский университет был моложе Казанского, численность студентов в нем была несколько выше, а главное — столичное положение делало его более заметным. Вполовину меньше мемуаров о Дерптском и Харьковском университетах. Немногим более десятка наберется мемуаров о самом молодом Киевском университете и единицы — о Виленском университете. Поскольку здесь учитываются только мемуары, опубликованные на русском языке, это отразилось на их количестве по Дерптскому и Виленскому университетам, где студентами были в основном жители прибалтийских и западных губерний, а также Царства Польского.

В мемуарах одного и того же лица подчас встречаются суждения не об одном, а о нескольких университетах, в которых мемуаристу довелось учиться, работать, бывать или о которых он что-либо слышал. К примеру, великий хирург Н. И. Пирогов учился в Московском университете и в так называемом Профессорском институте при Дерптском университете; профессор фи-

³ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1978, т. 2, ч. 2, с. 139—147.

⁴ Вслед за П. А. Зайончковским и другими исследователями условимся для удобства понимать под мемуарами и дневники, и воспоминания, тем более что дневников, касающихся нашей темы, сравнительно немного.

зики В. И. Лапшин учился в Петербургском университете и в том же Профессорском институте в Дерпте, а преподавал в Харьковском и впоследствии в Новороссийском университетах; выдающийся ученый-энциклопедист М. А. Максимович учился и преподавал в Московском, а затем в Киевском университете; писатель П. Ф. Вистенгоф учился в Московском и Казанском университетах. Это нашло свое отражение в их мемуарах.⁵ Директор Ярославской военной прогимназии Н. Ф. Оже-де-Ранкур, учившийся в Петербургском и Харьковском университетах, даже небольшие воспоминания свои озаглавил «В двух университетах. Воспоминания 1837—1843 годов».⁶ Подобных примеров можно привести немало.

Кроме того, в мемуарах, посвященных более поздней эпохе, бывают ретроспективные экскурсы, отголоски прошлого, характеристики профессоров и деятелей просвещения, работавших еще в дореформенное время, сопоставления с университетами былой поры. Впрочем, в мемуарах о дореформенных университетах сопоставления с университетами последующего времени встречаются гораздо чаще. У авторов поневоле напрашивались сравнения запечатленного в памяти с настоящим, возникали аналогии, поражали различия. Иногда прошлое служило только поводом для того, чтобы поговорить о настоящем, братья за перо заставляла современность, желание, как выразился один из мемуаристов, «ответить фактами прошлого на запросы настоящего».⁷ Так произошло с воспоминаниями педагога и общественного деятеля А. А. Чумикова о студенческих корпорациях в Петербургском университете 1830-х годов, которые, как считал автор, служили важным аргументом в пользу создания студенческих организаций для прекращения, как тогда выражались, студенческих беспорядков.⁸ Воспоминания появились в тревожное время, когда вторая революционная ситуация достигла своей кульминации — накануне убийства Александра II бомбой, брошенной студентом И. И. Гриневицким по приговору народовольцев.

Значительное число мемуаров об университетах не вызывает удивления. Это связано с процессом развития мемуарного жанра в целом и с особыми причинами, касающимися именно интересующего нас корпуса мемуаров. Развитие мемуаристики как совокупности произведений пограничного историко-литературного жанра подчинялось общим закономерностям развития духовной

⁵ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания; Лапшин В. И. Из воспоминаний. — ЖМНП, 1890, ч. 269, № 5, с. 120—139; Максимович М. А. Автобиография. — Киевская старина, 1904, т. 86, № 9, с. 322—344; Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний. — Ист. вестник, 1884, т. 16, № 5, с. 329—353.

⁶ Русская старина, 1896, т. 86, № 6, с. 571—582.

⁷ Обнинский П. И. Из воспоминаний юриста. — Русский архив, 1892, кн. 1, № 1, с. 99.

⁸ Чумиков А. А. Студенческие корпорации в Петербургском университете в 1830—1840 гг. (Из воспоминаний бывшего студента). — Русская старина, 1881, т. 30, № 2, с. 367—380.

культуры. Мемуаристика вырастала под воздействием сложного комплекса явлений экономического, политического, идеологического, социально-психологического характера. Рост национального самосознания, подъем общественной активности, обогащение духовной жизни общества привели к усилению интереса к истории, к внутреннему миру отдельной человеческой личности. Не последнюю роль в становлении русской мемуаристики сыграло влияние европейской мемуарной литературы. Осмысление роли мемуаров в познании личности и общества, в изучении исторических коллизий, доступность изложения и разнообразие мемуаров снискали им популярность в образованных кругах. А спрос, как известно, рождает предложение.

Особые причины появления в большом количестве мемуаров об университетах заключались прежде всего в развитии самих университетов, в изменении их роли в общественной жизни. Не останавливаясь подробно на причинах мемуаротворчества, отметим лишь специфичность возникновения этих мемуаров. Наиболее ценные и содержательные воспоминания об университетах оставляли обычно их питомцы. Люди любят вспоминать о светлых годах своей юности, пусть иногда и омраченных неприятными событиями и лишениями. Что пройдет, то будет мило. О времени счастливых надежд вспоминают охотнее, чем о разочарованиях на жизненном пути. Рассказ о юности — непременная принадлежность любой автобиографии. Значительная часть образованной молодежи, в которую входили потенциальные мемуаристы, обучалась в дореформенное время в университетах — наиболее массовых по сравнению с остальными высших учебных заведений. Учеба являлась важным этапом в жизни мемуаристов, временем формирования идейных взглядов, нравственного облика, характера, социализации личности. К тому же из воспоминаний можно было извлечь немало назидательных уроков для своих потомков и для молодежи вообще.

Разумеется, объем и обстоятельность мемуаров неравноценны. По форме мемуары можно разделить на общие, в которых университетская тема не является главной (чаще это нечто вроде развернутой автобиографии), и специальные — особо посвященные университетам и связанным с ними лицам и событиям. Среди рассматриваемых мемуаров немного преобладают первые — общебиографического характера, в которых об университетах говорится лишь в связи с определенным этапом жизненного пути.⁹ Однако по содержанию воспоминаний такая классификация не подходит. Иногда в мемуарах общего характера студенческим годам отводится глава или даже главы, которые могли быть опубликованы и публиковались самостоятельно, тогда как специально

⁹ Интересно, что соотношение общих и специальных мемуаров о таком важнейшем рубеже в истории России, как Отечественная война 1812 г., выглядит совсем иначе: специальных мемуаров о ней значительно больше (см.: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика, с. 95).

посвященные университетам мемуары скорее напоминали небольшой этюд или эссе.

По содержанию рассматриваемые мемуары можно подразделить на четыре группы. 1. Многоплановые — всесторонние описывавшие университетскую жизнь. Примерами такого рода воспоминаний могут служить воспоминания К. С. Аксакова, Ф. И. Буслаева, А. И. Герцена, С. М. Соловьева.¹⁰ 2. Воспоминания, посвященные какому-нибудь конкретному лицу — преподавателю, знаменитому соученику, видному деятелю и пр. К таким мемуарам относятся многочисленные воспоминания о В. Г. Белинском, Н. В. Гоголе, Т. Н. Грановском, М. Ю. Лермонтове и вплоть до скромного труженика, рядового инспектора студентов, столь любимого ими П. С. Нахимова (брата героического адмирала).¹¹ 3. Воспоминания, посвященные какому-либо конкретному событию или сюжету. Например, уже упоминавшиеся воспоминания А. А. Чумикова, а также воспоминания И. Д. Белова о студенческих корпорациях в Петербургском университете.¹² 4. К последней группе относятся мемуары, содержащие косвенные свидетельства, беглые замечания, мимолетные высказывания, реплики, слухи, анекдоты, касающиеся университетов. Такого рода заметки А. Г. Тартаковский называет мемуарными свидетельствами в отличие от мемуарных произведений — специально посвященных какой-либо теме и более обширных по временному охвату и информации.¹³ Интересные сведения об университетах можно извлечь из воспоминаний младшего брата и сотрудника известного журналиста, издателя «Московского телеграфа» Н. А. Полевого, из записок печально знаменитого литератора Н. И. Греча.¹⁴ Хотя такие замечания носят характер попутных вкраплений в общую сюжетную канву, они имеют самостоятельную ценность, и скидывать их со счетов нельзя. Например, краткое замечание Аполлона Григорьева о вынесенной его отцом из Московского университетского благородного пансиона антипатии к поповичам, которых немало было среди студентов университета и с которыми юные дворяне-пансионеры, обязанные слушать последний год университетские лекции, перебранивались на лестницах, было использовано М. В. Нечкиной для характеристики социальных отно-

¹⁰ Аксаков К. С. Воспоминания студентства 1832—1835 годов. СПб., 1911. 42 с.; Буслаев Ф. И. Мои воспоминания. М., 1897. 387 с.; Герцен А. И. Былое и думы. — Собр. соч. в 30-ти т. М., 1956, т. VIII. 518 с.; т. IX. 354 с.; Соловьев С. М. Записки. Пг., 1915. 174 с.

¹¹ Аргилландер Н. А. Виссарион Григорьевич Белинский. (Из моей с ним жизни). — Русская старина, 1880, т. 28, № 5, с. 140—143; Попов Н. А. Из воспоминаний старого студента. (Памяти П. С. Нахимова). — Ист. вестник, 1884, № 12, с. 684—694.

¹² Чумиков А. А. Студенческие корпорации в Петербургском университете; Белов И. Д. Университет и корпорация. (Отрывок из воспоминаний). — Ист. вестник, 1880, т. 1, № 4, с. 779—804; т. 20, № 5, с. 485—486.

¹³ Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика, с. 94.

¹⁴ Полевой К. А. Записки. СПб., 1888. 588 с.; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930. 896 с.

шений в Московском университете преддекабристского периода.¹⁵

Отмечу, что предложенная классификация перекликается с классификацией мемуаров П. А. Зайончковского: 1) мемуары общего характера, освещающие эпоху в целом; 2) мемуары, описывающие отдельные события; 3) мемуары, относящиеся к характеристике отдельных лиц; 4) воспоминания о путешествиях, дневники путешествий (эта группа представлена единицами среди рассматриваемых мемуаров), а также с наблюдениями над мемуарами столичного чиновничества второй половины XIX в. В. Г. Чернуха, которая классифицирует их следующим образом: автобиография и очерк в двух видах — освещающий какое-либо событие, отрезок служебной деятельности или рисующий портрет представителя бюрократических кругов.¹⁶

Классификация мемуаров весьма условна, так как в одном и том же сочинении часто содержатся элементы, свойственные разным группам мемуаров. Как, скажем, классифицировать рассказ Е. А. Матисена о посещении А. С. Пушкиным в 1837 г. Петербургского университета? ¹⁷ Это рассказ о событии, но в нем содержатся штрихи к портрету гениального поэта, характеристики некоторых его современников и ценные наблюдения о настроении студенчества той поры.

Следует также учитывать, что фрагменты воспоминаний, рассказы очевидцев, устные студенческие предания, дневники, письма использовались в других жанрах: при написании истории университетов «по горячим следам», когда живые еще были свидетели описываемых времен или сам автор мог обратиться к своей памяти, а также при составлении некрологов, монографий-персоналий, биографических словарей профессоров и преподавателей университетов и даже в художественной литературе.¹⁸

Большинство мемуаров по содержанию можно отнести к первой группе: их авторы в той или иной мере касаются различных сторон университетской жизни, щедро одаряя читателя и «портретами», и «эпизодами». Примерно вдвое меньше мемуаров посвящено отдельным лицам. Герои этих мемуаров, как правило, связаны с Московским, Петербургским, Казанским и Дерптским университетами. Немногочисленную часть составляют мемуары второй группы нашей классификации (о конкретном событии или

¹⁵ Григорьев А. П. Воспоминания. М.; Л., 1930, с. 43—44; История Московского университета. М., 1955, т. 1, с. 198.

¹⁶ См.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976, т. 1, с. 4; Чернуха В. Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. — Вспом. ист. дисциплины, Л., 1983, т. XIV, с. 240.

¹⁷ Матисен Е. А. Воспоминания из дальних лет, с 1824 г. — Русская старина, 1881, т. 31, № 5, с. 149—160.

¹⁸ См., напр., произведения Петра Боборыкина, Аполлона Григорьева, Владимира Соллогуба, Александра Полежаева, Льва Толстого, Афанасия Фета, Николая Языкова и др.

сюжете), и уж совсем единицами исчисляются мемуары последней группы (мемуарные свидетельства). Впрочем, последняя группа мемуаров — наиболее перспективная в смысле роста, так как степень привлечения косвенных и отрывочных свидетельств зависит от задач исследователя.

Разные периоды в истории дореформенных университетов освещены в мемуарах в неодинаковой степени. Мемуаров о Московском университете второй половины XVIII в. примерно столько же, сколько мемуаров об университетах первого десятилетия XIX в. — немногим более дюжины. К этому времени относятся первые мемуары, нарушившие монополию Московского университета. Это были в основном мемуары о Казанском университете. За первые сорок лет XIX в. число мемуаров по каждому десятилетию увеличивается почти вдвое. Уже за 1810-е годы имеются мемуары по истории всех существовавших тогда университетов.

Наиболее обеспеченное мемуарами время в истории дореформенных университетов — 1830-е годы. К этому десятилетию относится четвертая часть всех имеющихся мемуаров. Рост воспоминаний произошел главным образом за счет воспоминаний о Московском и Петербургском университетах. Причины этого, по-видимому, заключались в том, что это было переломное время в истории университетов. В эти годы им уделяется особое внимание в правительственных кругах, озабоченных формированием преданий «царю и Отечеству» интеллигенции. В 1833 г. во главе Министерства народного просвещения становится образованный царедворец С. С. Уваров, под руководством которого в 1835 г. вырабатывается новый университетский устав. С развитием отечественной науки повышается уровень преподавания в университетах. Значительно возрастают роль и значение университетов в общественной жизни. В дворянских верхах появляется даже своеобразная мода на университеты. Увеличивается их притягательная сила для юношей непривилегированных сословий. Интересно, что именно в это время в университетах училась целая плеяда замечательных людей. На студенческих скамьях можно было увидеть К. С. Аксакова, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, И. А. Гончарова, Т. Н. Грановского, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева.

Число мемуаров по 1840—1850-м годам резко снижается, но все же оно превышает уровень 1820-х годов. Рост воспоминаний продолжается только по Казанскому университету, что объясняется интересом к личности выдающегося математика, профессора и ректора университета Н. И. Лобачевского.

Первой публикацией воспоминаний, касающихся университетов, являются, пожалуй, записки академика В. М. Севергина. Путешествуя в 1802 г. «по казенной надобности», он побывал в Вильне и осмотрел университет. В следующем году В. М. Севергин опубликовал свои витиевато названные (в духе времени)

записки, несколько страниц которых посвящено Виленскому университету.¹⁹

До 1850-х годов публикации мемуаров об университетах были исключительно редкими. Почти все они касались Московского университета и в общей сложности едва достигали десятка. В 1850—1860-е годы число подобных публикаций заметно возрастает. Хотя их все еще немного, они уже имеются по всем университетам. С 1870-х годов начинается значительный поступательный рост публикаций мемуаров о дореформенных университетах, который достигает к концу XIX в. своего апогея. Основная масса рассматриваемых мемуаров была опубликована в последнее тридцатилетие XIX в. Затем наступает резкий спад публикаций. В начале XX в. их численность падает до уровня 1850-х годов, идет постепенное затухание. Такая кривая публикаций естественна и объясняется не только особенностями развития мемуарной литературы, увеличившимся читательским спросом на воспоминания вообще и интересом к проблемам образования в частности, но также и бурным распространением исторической периодики с 70-х годов XIX в., и тем, что в эти годы юноши дореформенного времени вошли в возраст, в котором пора подводить жизненные итоги.

Побуждающей причиной и поводом написания и публикации мемуаров нередко являлись юбилеи университетов или конкретных лиц, обсуждение реформ образования (например, университетской реформы 1884 г.) и т. п., причем одни мемуары подчас вызывали появление других с поправками, дополнениями, сравнениями, опровержениями, критикой и полемическими замечаниями.

В советское время появились только единичные публикации мемуаров, касающихся дореформенных университетов. На первый план вышли животрепещущие темы, в частности связанные с революционным движением, с тем, что замалчивалось прежде по цензурным соображениям. Предпринятые публикации мемуаров по интересующей нас теме обычно были связаны с именами писателей-классиков, выдающихся деятелей науки и искусства — Д. И. Фонвизина, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, В. Г. Белинского, И. М. Сеченова, М. С. Щепкина, К. М. Бэра, Н. И. Лобачевского.

Примерно треть рассматриваемого корпуса мемуаров переиздавалась в отрывках, с сокращениями, с дополнениями, выпускалась отдельными изданиями, включалась в сборники воспоминаний, в собрания сочинений. После революции 1917 г. в полном объеме переиздавались воспоминания А. И. Герцена (рекордное число публикаций), классиков литературы, а также не столь маститых, но весьма осведомленных их собратьев по перу —

¹⁹ Севергин В. М. Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или Минералогические, хозяйственные и другие примечания, učinенные во время проезда чрез оныя в 1802 году... СПб., 1803, с. 49—58.

Н. И. Греча, В. А. Соллогуба, А. В. Никитенко. Многие воспоминания стали знакомы широкому кругу читателей благодаря изданию в отрывках, в сборниках воспоминаний, посвященных отдельным университетам²⁰ или отдельным лицам (многочисленные издания типа «Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников», «А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников», «В. Г. Белинский в воспоминаниях современников» и т. п.).

До революции большинство публикаций мемуаров осуществлялось в исторических журналах «Русский архив», «Русская старина», «Исторический вестник». Отдельные публикации появились на страницах «Русского вестника», «Вестника Европы», «Русского обозрения», «Киевской старины», «Отечественных записок», «Москвитянина» и других журналов. Издания в виде книг и брошюр, как правило, были повторными публикациями.

Подготовка большинства мемуаров к изданию (археографическая, литературная и пр.) оставляет желать много лучшего. В до-революционных изданиях мемуары обычно публиковались без обстоятельных предисловий, комментариев (в лучшем случае несколько строк) и предварительной проверки. Так как мемуары иногда противоречили друг другу, читателю предоставлялась возможность самому докапываться до истины. Досаднее всего то, что издатели мало заботились о целостности мемуаров и безжалостно выбрасывали значительные куски воспоминаний, произвольно выхватывая запечатлennyй для публики материал, который мог обеспечить коммерческий успех изданию. Но это — зло неизбежное. Наивно предъявлять задним числом претензии издателям П. И. Бартеневу, М. И. Семеvскому, С. Н. Шубинскому и другим за бесцеремонное обращение с рукописями и за опубликование их не в полном объеме (не всегда это пужно и возможно). Будем благодарны им за неутомимую деятельность по разысканию мемуаров и побуждению к их написанию. Порадуемся, что эти воспоминания увидели свет даже в таком виде, но посетуем, что глубокоуважаемые издатели не всегда брали на себя труд хотя как-то отметить пропуски текста. Отрицательная сторона подготовки мемуаров к изданию заключалась в их «адаптации» — урезывании (часто без всяких оговорок), в них вкрадывались ошибки, доверие к мемуарам подрывалось, читатель вводился в заблуждение. Кроме того, далеко не все мемуаристы обладали литературным даром, и некоторые мемуары, хотя и немногие, стали памятниками косноязычия их авторов, чего можно было бы избежать при более серьезном литературном редактировании.

Но нет худа без добра. Как это ни странно, может быть, звучит, в таком вольном, «неакадемическом» подходе к мемуарам

²⁰ Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1956. 487 с.; Ленинградский университет в воспоминаниях современников. Л., 1963, т. 1. 319 с. До революции вышли два сборника подобного типа: Соловьев И. М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. Университеты до эпохи шестидесятых годов. СПб., 1914. 206 с.; Воспоминания о студенческой жизни (в Московском университете). М., 1899. 271 с.

были свои плюсы. Издатель как бы стоял над схваткой, охотно предоставляя страницы своего журнала (иногда это делал конкурирующий журнал) «контрмемуарам», сталкивая лбами противников, не боясь напечатать опровержение, поправку, дать иное толкование событий, иную оценку деятельности какого-нибудь человека, не приглаживая стилей, не обезличивая автора, не подгоняя все мемуары «под одну гребенку» и не считая, что читатель неспособен самостоятельно поразмыслить над прочитанным. Кстати, у дореволюционного читателя было перед нами важное преимущество — лучшее понимание конкретных реалий и подтекста: то, что теперь требует расшифровки, тогда само собой разумелось. Зато сейчас для нас ясны общий ход и направление исторического развития, известны результаты тогдашних преобразований. Мемуары об университетах обычно не залеживались в портфеле редакции, их искали, заказывали и публиковали по мере возможности (хотя написаны они могли быть задолго до того). Оперативность издания мемуаров вызывала реакцию здравствовавших современников событий или их потомков, не забывших еще рассказов отцов. Разумеется, цензурные ограничения и опасение задеть самолюбие влиятельных лиц сдерживали авторов. Как многозначительно замечал один из них, «весьма о многом не настало еще время говорить с читателем (моя старина еще не успела поседеть и вылинять)».²¹

Что касается противоречий, встречающихся в различных мемуарах, то они чаще относятся не столько к фактам, сколько к их интерпретации, к оценкам личностей, событий или явлений. В этих оценках особенно сказываются характеры, взгляды, личность самого мемуариста. Иногда даже трудно поверить, что мемуаристы учились в одном университете в одно и то же время, до того не совпадают их мнения. Примером подобного расхождения могут служить полярные оценки А. И. Герценом и И. А. Гончаровым общественно-политической активности студенчества Московского университета в начале 1830-х годов. Честность обоих авторов не вызывает сомнений. Каждый из них по-своему прав, потому что их точки зрения выработались под влиянием различных тенденций в студенческой среде. Пестрая мозаика мнений и суждений полемичного А. И. Герцена и мягкого И. А. Гончарова, беспощадного Н. И. Пирогова и осторожного М. И. Погодина, скептического С. М. Соловьева и сентиментального Ф. И. Буслаева, наблюдательного А. В. Никитенко и многих других создает в нашем воображении сложную картину жизни и деятельности университетов далекой эпохи.

Как уже отмечалось выше, авторами рассматриваемых мемуаров часто являлись бывшие студенты. Ими написана примерно половина всех воспоминаний. Среди них преобладали гуманитары — выпускники историко-филологического факультета, меньше было юристов и медиков, а выпускники физико-матема-

²¹ Обинский П. Н. Из воспоминаний юриста, с. 99.

тического факультета являлись редкостью. Конечно, число авторов не является прямо пропорциональным числу студентов различных факультетов, иначе врачи преобладали бы среди мемуаристов. Однако некоторое влияние это оказывало и отразилось на сравнительно большом количестве воспоминаний врачей. Вероятно, в доминировании гуманитаров среди авторов воспоминаний сказывались их профессиональные навыки, склонность к писательству. Отмечу, что сама принадлежность к тому или иному факультету не всегда жестко определяла профессиональную будущность студента. Ведь А. И. Герцен был выпускником физико-математического факультета, В. И. Даль, известный прежде всего как писатель и знаток русского языка, окончил медицинский факультет, а вице-адмирал Н. М. Соковнин — юридический факультет, химик А. П. Бородин был композитором, так же как и П. П. Сокольский, окончивший физико-математический факультет.

Особую ценность имеют мемуары студентов, ставших впоследствии профессорами университетов, — Ф. И. Буслаева, Н. И. Костомарова, В. И. Лапшина, М. А. Максимовича, А. В. Никитенко, С. М. Соловьева и др.²² Их авторы непосредственно участвовали в университетской жизни, длительное время наблюдали ее изнутри — снизу (будучи студентами) и сверху (став профессорами). Такие воспоминания обычно охватывают большой период и богаты сравнениями различных эпох в существовании университетов. Сродни им воспоминания служащих университетов, которые встречаются значительно реже. Наиболее интересными и насыщенными можно назвать воспоминания чиновника канцелярии Московского университета, а затем канцелярии попечителя Московского учебного округа, прослужившего там тридцать лет, М. П. Третьякова.²³ Немало места в них уделено «интригам», теневым сторонам жизни университета, характеристикам его обитателей.

Нередко авторами воспоминаний бывали дети или близкие родственники ученых. Среди них — сын профессора Московского университета М. Т. Каченовского, сын ректора Петербургского университета П. А. Плетнева и др. Интересно, что именно в этой группе немало женщин. В остальных случаях они составляют исключительную редкость, что вполне понятно, так как женщины тогда не допускались в университеты (разве что на публичные лекции) и могли наблюдать жизнь университетских мэтров в быту, в домашней обстановке, судить об университетах понаслышке. К таким женщинам принадлежали жена профессора

²² Буслаев Ф. И. Мои воспоминания; Костомаров Н. И. Автобиография. М., 1922. 441 с.; Лапшин В. И. Из воспоминаний; Максимович М. А. Автобиография; Никитенко А. В. Дневник. М., 1955, т. 1. 543 с.; т. 2. 652 с.; Соловьев С. М. Записки.

²³ Третьяков М. П. Императорский Московский университет в воспоминаниях. 1798—1830. — Русская старина, 1892, т. 75, № 7, с. 105—131; № 8, с. 307—345; № 9, с. 533—553; т. 76, № 10, с. 123—148.

Петербургского университета Н. И. Костомарова, дочь выдающегося лексиколога В. И. Даля, дочь профессора истории Московского университета С. В. Ешевского, дочь знаменитого математика Н. И. Лобачевского, дочь профессора хирургии Дерптского университета И. Ф. Мойера, дочь профессора политической экономии ректора Петербургского университета М. А. Балугьянского, сестра профессора Петербургского университета экономиста В. С. Порошина и др. В такого рода мемуарах отражались мнения об университетах и их обитателях в обществе, круг знакомств студентов и преподавателей, их внеслужебные интересы и увлечения, ярко вырисовывались характеры. Существовали даже целые группы мемуаристов, связанных кровными узами, своеобразные «династии» потомственных бытописателей университетов. К ним принадлежали отцы и дети С. Т. и К. С. Аксаковы, П. Г. и Ф. Н. Устряловы, М. П. и Д. М. Погодины, Н. Д. и Д. Н. Дмитриевы, братья Е. Ф. и И. Ф. Тимковские и их племянник М. А. Максимович.

Социальный диапазон авторов мемуаров так же широк, как состав студенчества, — от бывших крепостных (А. В. Никитенко, М. П. Погодин) до титулованных особ (граф В. А. Соллогуб, князь А. М. Дондуков-Корсаков). Разносословных по происхождению мемуаристов сближало то, что все они относились к образованному обществу, в котором сословные различия смягчались под воздействием просвещения и личных заслуг. Авторы мемуаров достигли разного положения в обществе. Среди них немало прославленных деятелей, но в большинстве это малоизвестные и почти совсем неизвестные люди. Ценность мемуаров определяется не положением их авторов. Несколько безыскусных строк никому неизвестного теперь «неудачника» иногда содержат важную информацию, дорогие для нас подробности жизни университетов. Практически полностью отсутствуют воспоминания людей из «простонародья». Об их отношении к университетам, к студенчеству мы узнаем из воспоминаний людей, связанных с университетами.

По истории университетов имеется обширный круг источников. Это законодательные материалы, содержащиеся в Полном собрании законов Российской империи, в сборниках постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения, документы архивного делопроизводства и хорошо сохранившиеся отчеты попечителей университетов.²⁴ Среди множества источников мемуарам принадлежит особая роль. В них содержатся разнообразные сведения буквально обо всех сторонах деятельности университетов. Уникальной является информация, почти отсутствующая в других источниках. Это рассказы о настроениях студенчества, об отношениях и нравах в университетской среде, о характере преподавания, оценки уровня преподавания, положе-

²⁴ Булгакова Л. А. Отчеты попечителей по учебным округам и университетам как исторический источник. — Вспом. ист. дисциплины, 1978, т. X, с. 244—251.

ния студентов и преподавателей, бытовые зарисовки. Если сначала воспоминания были сходны с развернутым послужным списком автора, написанным «высоким штилем», но сухим и сдержанным тоном, то в XIX в. с каждым десятилетием воспоминания становились живее, раскованнее, глубже по содержанию. Уяснение исторической роли записок, дневников, воспоминаний способствовало дальнейшему развитию отечественной мемуаристики.

В. Г. ЧЕРНУХА

НЕИЗВЕСТНОЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ А. И. ВАСИЛЬЧИКОВА

А. И. Васильчиков был известным общественным деятелем и плодовитым публицистом 60—70-х годов XIX в., писавшим преимущественно на социально-экономические, прежде всего аграрные темы. Его труды, отзывавшиеся на самые злободневные вопросы, неизменно вызывали внимание и отклики современников, чаще благожелательные, иногда резкие. Своей остроты они не утратили и позже, в 80—90-е годы, и постоянно использовались в научной литературе и публицистике, в частности в спорах марксистов с либеральными народниками. С его работами был знаком К. Маркс.¹ К ним обращался В. И. Ленин в связи с рассмотрением воззрений «друзей народа», относя экономические идеи Васильчикова к народническим, а его самого — к «народничающим помещикам».² Работы Васильчикова были столь характерным явлением в развитии русской экономической мысли пореформенной поры, что советские ученые, предпринявшие изучение экономических взглядов того времени, в обобщающем труде избрали их в качестве специального объекта исследования, увидев в них концепцию дворянского экономического либерализма.³

Васильчиков, бесспорно, крупная и интересная фигура переломного времени, отразившая в своих сочинениях взгляды современников и активно влиявшая на их формирование, а потому и заслуживающая всестороннего изучения. Но не все сочинения его были изданы. В отличие от социально-экономических его политические взгляды мало известны. Именно поэтому стоит рассмотреть одно из его сочинений, не увидевшее света.

Князь А. И. Васильчиков (1818—1881)⁴ принадлежал по происхождению и положению к самым верхним слоям российского

¹ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. М., 1929, т. IV, с. 407—411; М., 1952, т. XII, с. 162—163.

² Ленин В. И. 1) Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 243; 2) Развитие капитализма в России. — Там же, т. 3, с. 197.

³ История русской экономической мысли. М., 1959, т. 2, ч. 1, с. 72—88.

⁴ Биографические сведения о нем см.: Голубев А. Князь Александр Илларионович Васильчиков. СПб., 1882. 156+46 с.